

Спрятав пилюли, Фань Сянь принялся: по какой-то причине его мозг сильно активизировался, жёсткая истинная ци в теле тоже завращалась по энергетическим каналам, которые у Фань Сяня были гораздо шире, чем у других людей; казалось, все поры на его теле открылись, жадно втягивая через себя эту изначальную ци, которая одновременно и присутствовала, и не присутствовала между небом и землёй.

Это едва уловимый запах хвои и опавших листьев заставил Фань Сяня прийти в такое возбуждение.

Фань Сянь забрал со стола подвергшийся видоизменению и уже больше не похожий на длинный меч Тигровой стражи клинок, прикинул в руке его немалый вес, очень осторожно завернул его в материю и подвязал за спину так, чтобы было удобнее всего его извлечь. Что же касается тонкого чёрного кинжала, который он носил у ноги, то за столько лет тот уже стал ощущаться как часть тела, поэтому специального внимания не требовал.

Раздался скрип двери, и в комнату вошёл Ван Цинянь. Он поклонился Фань Сяню, а потом подошёл и сказал ему что-то на ухо. Фань Сянь кивнул ему в ответ и окинул взглядом оставшиеся лежать на столе инструменты, намекая, что пора приступать к делу.

Ван Цинянь смущённо улыбнулся:

— Мои навыки сильно уступают вашим.

Фань Сянь пожурил его:

— Ты же не видел, как я выгляжу в гриме, откуда тебе знать, что твои навыки хуже? Когда ты занимался контрабандой, тебя объявили в международный розыск, неужели ты не научился гримироваться?

— Грим под того господина по соседству разве не лично ваших рук дело? — Ван Цинянь слегка добавил подхалимства: — Ух, другие не знают, но я ясно разглядел, вы, господин, небожитель, спустившийся в наш мир.

— Не говори ерунды. — Фань Сянь сел на стул и улыбнулся: — Разве глиняные статуи небожителей в лесных и горных святилищах рядом со столицей могут сравниться со мной по красоте?

Один бесстыжий, а другой ещё бесстыднее: их нелепые речи успешно разогнали остатки беспокойства в душе Фань Сяня. Ван Цинянь был его самым близким подчинённым: помимо слежки за пределами Цанчжоу, а также недавно принятой ответственности за разведывательную сеть, ему не приходилось заниматься важными делами — он лишь выполнял роль личного помощника Фань Сяня, избавляя того от лишних забот.

Ван Цинянь взял со стола ножик и поскоблил им брови Фань Сяня, потом взял разведённую в воде пшеничную муку и начал с её помощью преобразовать лицо Фань Сяня. Ему показалось, что вязкость и цвет не совсем подходят для кожи Фань Сяня, и он нахмурился:

— Всё же кукурузная мука лучше.

Фань Сянь вздохнул:

— Да где ж её взять? Я вчера украл из дома чиновника немного пудры и румян, вроде сгодятся.

На юге города посреди большого имения в просторном дворе высоко вздымались языки пламени, более десяти полностью одетых в чёрные маскировочные одежды людей молча ожидали во дворе. С другой стороны двора в кресле, закрыв глаза, сидел человек средних лет. Он явно был погружён в глубокие раздумья, а его правая рука слегка поглаживала чёрную отполированную ручку кресла. Хотя его поза выглядела непринужденной, его ноги прочно, словно горы, стояли на мощённой серым камнем земле.

Это был семь лет дававший отпор варварам на северной границе государства Ци генерал Шаншань Ху. Среди известных полководцев Поднебесной, которых можно было пересчитать по пальцам, он был самым могущественным командующим в Северной Ци, и его репутация была самой весомой.

Через довольно долгое время Шаншань Ху медленно открыл глаза. Его ледяной, внушающий страх взгляд устремился на стоящего перед ним, преклонив колено, человека. Он тихо сказал:

— Раз дворец не дал мне пути к отступлению, я тоже не стану сидеть сложа руки в ожидании смерти. В этот раз будьте крайне осторожны. Хотя южане и хотят заслужить моё расположение, но кто знает, что на самом деле у них на уме.

Его голос звучал негромко, однако очень звучно, словно удары в барабан, что сразу выдавало высокий уровень совершенствования внутренней энергии.

Преклонив колено, перед ним стоял всё это время маявшийся в столице Тань У — тот самый, которого когда-то у ворот посольства победил на дуэли Гао Да. Он обхватил ладонью кулак перед грудью в почтительном жесте и сказал:

— Главнокомандующий, южане коварны, будьте настороже.

Шаншань Ху ответил:

— Я буду осмотрителен. — Сегодня он последний раз был во дворце: молодой государь так и не удостоил его полного доверия, а вдовствующая императрица продолжала держать Сяо Эня в тюрьме. Шаншань Ху беспокоился за судьбу названного отца, поэтому ему ничего другого не оставалось, как решиться на отчаянные, противозаконные меры.

— Боевые товарищи, как и ожидалось, не упустят любую возможность.

Шаншань Ху усмехнулся: если бы не секрет, известный названому отцу, молодой император наверняка захотел бы, чтобы генерал оказался у него в долгу. Несмотря на то, что в молодом государе читалось нечто женоподобное, его дух был крепок и мужествен, как у великого полководца. За короткое время ему удалось укрепить силу страны; более того, шанс пойти войной на юг, чтобы объединить Поднебесную, и тот не упустил.

Поэтому не было никакой надежды, что Сяо Энь сможет вернуться из тюрьмы живым. При мысли о том, сколько мук пришлось вытерпеть названому отцу за эти годы, этот призванный обратно в столицу генерал тоже опечалился.

— Ступай.

Он слегка взмахнул рукой, а потом вернулся на задний двор, где жена в спешке собирала подарок, предназначенный на день рождения вдовствующей императрице.

— Слушаюсь. — Тань У поклонился и ушёл выполнять приказ.

В жилом районе за воротами Чунъю в столице есть неприметный дворик. Улицы здесь узкие, тесно скученные и перепутанные — даже столичные старожилы рискуют заблудиться. В десятке чжан от этого двора росли часто встречающиеся на севере деревья, высокие и стройные, как мечи, с белёсой корой, хорошо заметной в ночной темноте. К счастью, дело уже шло к лету, и благодаря обильным дождям в этом году листва на них была особенно пышной.

Фань Сянь тщательно подстроил свою истинную ци и с усилием обуздал сердцебиение, чтобы его тело, облачённое в чёрную одежду для тайных дел, могло слиться с окружением и никто его не обнаружил. Его взгляд, проникший между крупных, с ладонь, листьев, был обращён к дому справа перед ним: он спокойно ожидал, когда Шаншань Ху начнёт операцию по спасению Сяо Эня.

Сяо Энь был заперт в этом дворике, гласили сведения, добытые большими усилиями Контрольной палаты. Однако сегодня ночью действовали только смельчаки Шаншань Ху: «детишки» Янь Бинъюня уже снова скрылись в темноте, и было неясно, пришлёт ли Синьян на помощь каких-нибудь мастеров.

Устраивая побег заключённого в таком важном месте, как столица, Шаншань Ху нарушал законы Небес, и независимо от того, добьётся ли он в конце концов успеха, отношения между императорской семьёй Северной Ци и армией окажутся на грани разрыва. Думая об этом, лежащий на ветке, словно коала, Фань Сянь невольно испытывал огромное восхищение некой знатной персоной с юга.

Хотя старшая принцесса и сумасшедшая, она действительно потрясающая сумасшедшая. С того дня как она выдала Янь Бинъюня, похоже, она просчитала все перемены, которые это за собой повлекло, и, какими бы они ни были, императорский двор государства Цин в любом случае получал большую выгоду. Эта женщина была весьма непроста.

Постепенно темнело, а в доме под высокими деревьями всё ещё было тихо. Где-то далеко на берегу реки плакал ребёнок, а поблизости старая лошадь в стойле вяло жевала сено. Звёзды на небе одна за другой скрывались в облаках. Листья нежно тёрлись о его тело под ночным ветром. Эта ночь казалась такой же, как и любая другая в столице, — ничего необычного.

Словно бы без малейшей причины Фань Сянь, лежавший на ветке, открыл глаза и посмотрел вниз, на дом.

Побег начался!

Повозка медленно подъехала к воротам дворика, и в то же время к его задней стене неслышно подкатили небольшую тележку, покрытую серой тканью. Силы охраны во дворике, казалось, не заметили ничего странного, но Фань Сянь, наблюдавший за ними с высокого дерева, ясно видел все их действия.

Из повозки вышел мужчина средних лет, и в это же время Фань Сянь заметил, что несколько чёрных теней замерли вокруг маленького двора.

— Кто здесь? — Бдительность стражника в парчовых одеждах, отвечавшего за охрану Сяо Эня, была чрезвычайно высока. Он наполовину высунулся сверху стены, и тяжёлый самострел в его руках нацелился на человека, стоящего у ворот.

Этого человека звали Тань У: Фань Сянь однажды встречался с ним. Он улыбнулся и открыл рот, чтобы что-то сказать, и тут мелькнули две чёрные вспышки — слева и справа полетели две смертоносные стрелы. Они безжалостно вонзились в горло стражника, и кровь брызнула во все стороны!

В шее стражника, казалось, появились два лишних железных стержня — поистине кровавое зрелище!

— Вперёд! — тихо скомандовал Тань У, но ответом ему был грохот. Из повозки вышел здоровяк ростом около восьми чи с кувалдой в руке. Широким шагом он направился к воротам двора. Мышцы его правой руки напряглись, и он с силой ударил по воротам. Судя по приложенному усилию, деревянная створка ворот должна была тут же разлететься в бесчисленные щепки.

Раздался громкий гул, от которого чуть не оглохли все присутствующие.

И действительно, полетело много щепок, но ворота... не сломались! Оказывается, в деревянную створку была заделана железная пластина. Высоко на дереве Фань Сянь вздрогнул: место, где стража в парчовых одеждах Северной Ци содержала опасных преступников, оказалось не таким уж простым.

Стража во дворе отреагировала моментально: люди начали собираться у входа во двор. С каждым ударом молота даже ворота, усиленные железной пластиной, начали скрипеть. Они дрожали и, казалось, вот-вот рухнут, не выдержав ещё нескольких ударов.

Раздались воинственные крики, и десяток людей в чёрном взобрались на стену и перебили стражу в парчовой одежде внутри. Эти люди в чёрном обладали исключительными навыками боевых искусств, но самым удивительным было убийственное намерение, заключённое в их приёмах. Каждая атака была подобна урагану, и своей жизни они не жалели. Стражи в парчовых одеждах, постоянно служащие в столичной роскоши, едва ли были соперниками солдатам регулярной армии. Ночь окрасилась свежей кровью, и вскоре они один за другим отступили под непрерывным убийственным натиском.

Фань Сянь равнодушно наблюдал за всем этим с дерева. Он знал, что подчинённые Шаншань Ху хотели выломать ворота потому, что у Сяо Эня были сломаны обе ноги и он не смог бы уйти по крышам. Фань Сянь наблюдал, как силач надрывается, не жалея сил, разбивая стальные ворота, и не мог не подсказать ему мысленно: «Разбейте стену!» Но он, казалось, забыл, что ноги Сяо Эня были переломаны по его собственному приказу.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3579497>